

А. ВСЕВОЛОВА

•
Кабинет-министр
Артемий Петрович
Волынской
•

Анна Всеволодова

**Кабинет-министр Артемий
Петрович Волынской**

«Алетейя»

Всеволодова А. В.

Кабинет-министр Артемий Петрович Волинской /
А. В. Всеволодова — «Алетейя»,

ISBN 978-5-907189-98-0

Потребность в исторической справедливости неистребима в человеческом сознании. Имя кабинет-министра Артемия Петровича Волинского звучит сегодня с особенной актуальностью, это редкий по благородству и силе образ служения России высшего государственного чиновника. Подробнее об этом говорится в «Рассуждении о том какие вымыслы к переписыванию истории бывают употребляемы». Пьеса «Гданьский штурм» воспроизводит эпизоды военных действий в Польше 1730-х гг. Совет генералов русской армии, их взаимоотношения, обвинение в неоправданных потерях, выдвинутое против фельдмаршала Миниха генералом Волинским и последовавшая за этим его внезапная болезнь – исторически достоверны. Эпистолярная повесть «Свет мой, сахар» менее документальна, герой ее почти скрыт от глаз читателя, а образ героини очень необычен для романа. Некоторые из «Цветов на любезной могиле» могли быть уложены ее рукой. Оба произведения заставляют вновь звучать допушкинский русский язык, а «Цветы на любезной могиле» воскрешают преданный забвению жанр оды. Лев Толстой уже предпринимал попытку сочинить роман, главным героем которого был бы предок автора, Петр Толстой, глава Тайной Канцелярии, современник Волинского. Написав несколько глав, он оставил свой замысел, признавшись, что не в состоянии постигнуть внутренний мир людей того времени. Книги Анны Всеволодовой – новая попытка заглянуть в тот ушедший мир.

ISBN 978-5-907189-98-0

© Всеволодова А. В.

© Алтейя

Содержание

Рассуждение о том какие вымыслы к переписыванию истории бывают употребляемы	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

А. Всеволодова

Кабинет-министр Артемий Петрович Волынской

Рассуждение о том какие вымыслы к переписыванию истории бывают употребляемы

Образ министра Артемия Петровича Волынского неоднократно привлекал внимание историков и романистов, за без малого три века о личности и деятельности его было высказано множество самых противоречивых суждений, именно это обстоятельство следует особо подчеркнуть – «противоречивыми» можно назвать свидетельства, касающиеся имени министра, а не черты его личности. Противоречие это объясняется тем, что в связи с опалой, множеству сплетен и ложных обвинений в адрес подсудимого в целях его дискредитации был предан официальный, весомый вид. Впоследствии, в зависимости от политических нюансов и представлений современного им общества писатели использовали материалы доносов как не подлежащие сомнению факты. Последнее замечание касается не только лиц, по тем или иным причинам сознательно очерняющим образ министра, но и симпатизирующим последнему и невольно разделяющим общепринятое заблуждение.

Аккредитованные дипломаты, находящиеся в Петербурге весной 1740 г. доносили своим дворам самые нелепые толки о политических планах министра, в обществе носились истории, рисующие его жестоким, корыстным человеком, а вскоре чиновник Тайной канцелярии с поста эшафота, приготовленного для казни А.П. Волынского и его друзей, громогласно зачитывал длинный перечень «злодейских вин и намерений» осужденных. С течением лет обстоятельства жизни героя аннинского царствования трактовались с большей или меньшей бесцеремонностью.

Нужно было обладать гением великого русского писателя и историка Лажечникова И. И., чтобы уметь отличить главное от поверхностного, ложь от правды. Не мало документального исторического наследия доносят нам произведения других романистов: Полежаева, Писемского, Авенариуса и иных, но никто другой как Лажечников дал почувствовать, изобразил силою самобытного русского слова, восхитившей даже такого взыскательного критика, как А. С. Пушкин, душевный масштаб и благородство своего героя. Причем художнику удалось достичь исторической правдивости во многом интуитивно, не имея возможности познакомиться с рядом доступных теперь сведений. То, что Лажечников предвидел и угадал в герое популярнейшего некогда романа «Ледяной дом» ныне должно знать всякому русскому человеку, равнодушному к отечественной истории, и уже не как гениальную фантазию романиста, но как бесспорную историческую истину. В своем месте мы вернемся к имени Лажечникова и его роману. А теперь постараемся с помощью историков прежних лет: Готье, Зезюлинского, блестящего востоковеда советского периода Бушуева, новых: Петрухинцева, Лаврентьева дать верную картину событий и лиц интересующей нас эпохи.

Артемий Петрович Волынской родился в 1689 году, в дворянской семье. По некоторым историческим источникам это событие произошло в Москве 2 ноября по новому стилю. Род Волынских берет начало от славного князя Боброк-Волынского, героя Куликовской битвы и родной сестры князя Дмитрия Донского, Анны. Князь командовал засадным полком, своевременный натиск которого решил исход сражения в пользу русских. В числе предков Артемия Петровича имеется и прославленный святой – игумен Троицкого Клопского монастыря Михаил, канонизированный в 1547 году. По традиции своего времени в 15-ти летнем воз-

расте, Артемий Петрович вступил в военную службу простым солдатом. Он принимал участие в Северной войне России со Швецией, участвовал во многих сражениях, в том числе и в Полтавской баталии. Его мужество было отмечено командирами и самим Петром Великим. В 1712 году Артемий Петрович отправляется с посольской миссией в Турцию. Государственный деятель и дипломат П. Шафиров просит о награждении «нарочитого молодца» Волынского, который «терпит с нами общий страх» – заточение в турецкую темницу, куда были брошены все лица русского посольства. Турецкая сторона, угрожая физической расправой, пыталась оказать давление на русских дипломатов, вынудить их к уступкам, невыгодным Российской Империи. Столкнувшись с мужеством патриотов, дипломаты Османской Порты сами должны были отступить. Уверившись в высоких способностях Волынского, царь Петр поручил ему возглавить посольство в Персию. Благодаря таланту и настойчивости Артемия Петровича, ему удалось основать первую русскую консульскую службу в Персии, заключить выгодные для российской торговли соглашения, начать переговоры о строительстве православных храмов в мусульманских государствах. Деятельность русского посольства проходила в очень непростых условиях. Несколько раз Артемию Петровичу грозила участь другого русского дипломата – Грибоедова, растерзанного толпой фанатиков, в Персии же. На русского посланника оказывалось жесточайшее давление, посредством самых разнообразных мер: от предложения крупных взяток, до блокады посольства, приведшей к голоду и болезням его людей, от лести и лжи, до угроз физической расправы и отмены прежде согласованных решений. Артемий Петрович проявил удивительные присутствие духа, принципиальность и государственный ум, позволившие ему ни в чем не уронить чести государя и интересов русской дипломатии. За эти и иные заслуги Волынскому было поручено губернаторство в Астрахани, и затем в Казани. В обеих губерниях Артемий Петрович неустанно трудился, заботясь о благополучии жителей и всего края: искоренял нищету, безграмотность, грубость нравов, учреждал школы, прокладывал дороги, закрывал притоны и кабаки, боролся с разбоем и административными непо порядками. В 1725 году губернатор пишет сочинения назидательного характера: «Об управлении деревень», «О десяти Божьих заповедях» и другие. Во всю жизнь Артемий Петрович неукоснительно жертвовал часть своих доходов на дела милосердия: устраивал школы, больницы, украшал церкви, содержал больных, увечных, сирот, вдов и престарелых, разыскивал и оплачивал обучение талантливых самородков из народной среды. Между тем, сам он постоянно нуждался в деньгах и входил в долги, не получая вовремя жалования и вынужденный следовать требованиям усиливающейся роскоши двора. Кроме забот о собственном семействе, наравне с детьми губернатора в доме его воспитывались бедные родственницы. Меры, принятые деятельным чиновником, в короткий срок значительно изменили ход дел в губернии, изменили жизнь людей, ее населяющих. Артемий Петрович был пожалован в генерал-адъютанты. Быстрое возвышение талантливого политика вызвало зависть и озлобление некоторых людей из окружения государя. Они оклеветали Артемия Петровича и вредили ему. Вопреки расхожему мнению, попавшему даже в энциклопедии, царь Петр Великий подвергнул Артемия Петровича наказанию отнюдь не за взятки, в которых тот никогда не был повинен. Неприятная сцена между астраханским губернатором Волынским и царем произошла вследствие интриг лиц, стремящихся переложить всю вину за неудачи Персидского похода на Артемия Петровича. Переписка с царем 1723 года, наполненная подробнейшими хозяйственными отчетами и донесениями по всем пунктам обвинения, не оставляет места для кривотолков. Итогом разбирательства можно считать слова Екатерины Первой из письма к губернатору Волынскому: «по докладам армейских чинов были на вас сомнения, но доносители были признаны неправыми». Опала 1730 года, когда Артемий Петрович Волынской был отрешен от должности казанского губернатора – также результат интриг. Противники Артемия Петровича сохранили свои позиции, в их руках находились учреждения «... к следствию надлежащими делами и справками, а в моих руках того ничего не будет... какой же это будет правый розыск? Понеже что надобно, того будет и сыскать негде...

всяк будет думать, что я отрешен за вину какую» (из письма казанского губернатора Волынского). Так и случилось, мнение будто за губернатором существует «вина» приняло официальный характер и бытует по сию пору. Артемий Петрович, уверенный в своей правоте, просил беспристрастного расследования его «злоупотреблений» в Казани, или даже «следовать в Москве», но стараниями своих недругов не успел в этом законном желании. На совет М. Г. Головкина, предлагавшего как выход из ситуации женитьбу на родственнице императрицы Салтыковой, находившийся под домашним арестом Волынской отвечал: «...мне, по мнению моему, душа моя и честь милее, нежели весь свет, для того хочу с совестью умереть, нежели последнюю половину века моего со стыдом и беспокойством совести моей доживать». Ярким примером козней врагов губернатора Волынского служит дело откупщика Турчанинова, которое излагает в своей книге «Артемий Волынский» историк Игорь Курукин: «Следователи установили многочисленные прегрешения откупщика... Комиссия насчитала, что с Турчанинова надлежит взять в казну 47 753 рубля, и начала их с него «править»; в сентябре Волынский (тогда казанский губернатор) доложил о взысканных десяти тысячах рублей, а в октябре – уже о 37 тысячах (за Турчанинова поручились богатые солепромышленники Строгановы)... Эта довольно обычная служебная история имела неожиданное продолжение. Когда в 1740 году сам Волынский был обвинен во множестве преступлений, в Петербурге ходили слухи о том, что он «...лишил жизни и имущества купца Турчанинова... основателя больших железных заводов и фабрик поблизости от Казани. Губернатор якобы потребовал от него 20 тысяч рублей, обвинил промышленника в невыполнении своих обязательств перед казной, схватил его и держал в подвале своего московского дома, пока не получил деньги». Говорили, что Волынский, опасаясь, что вымогательство будет раскрыто, отравил Турчанинова, а сын несчастного, узнав о судьбе отца, умер от страха. Эта записанная в изложении саксонских дипломатов неправдоподобная история показывает, как опальному министру создавалась негативная репутация. Но в 1730 году время мученической кончины Артемия Петровича ещё не настало. Новым повелением он был назначен в действующую армию в Польшу, вместе с фельдмаршалом Минихом участвовал в боевых действиях. Затем Артемий Петрович возглавил комиссию о разведении конских заводов, по сути подготовил появление собственной русской породы лошадей, что позволило значительно повысить боеспособность русской армии, сэкономить русской казне миллионы рублей, требующиеся на покупку иностранных лошадей. Именно Артемию Петровичу обязаны появлением первого в России исторического музея – «мемории Куликовской баталии».

Экспонаты для музея тщательно разыскивались, об одном из них, которым Артемий Петрович дорожил особо, и который сыграл роковую роль в трагической судьбе хозяина, следует рассказать подробнее, коснемся и истории создания самого музея, расположенного в доме А. П. Волынского в Петербурге.

В составленной по указанию императора Николая I графом Д. Н. Блудовым «Записке об Артемии Волынском» (1831 г.) отмечено, что кабинет-министр «хранил у себя найденную на Куликовом поле саблю, к которой сделал... надпись», желая оставить ее детям на память участия их родоначальника в Куликовской битве. Изданная более четверти века спустя Записка стала первой публикацией с упоминанием находки. Лист с рисунком надписи, выполненной Еропкиным П.М., бы предъявлен следователями императрице Анне Иоанновне, которая «соизволила отдать им, генералу и тайному советнику (руководителям следствия Ушакову и Неплюеву) для сообщения к делу, понеже о том (преступных умыслах А. П. Волынского) ... о сабельной полосе... по оному делу явствует... И оной рисунок сабельной полосе... сообщен к сему».

Таким образом, рисовка сабли по воле императрицы стала «вещественным доказательством» в деле кабинет-министра. В начале прошлого века Н. П. Павлов-Сильванский воспроизвел «криминальную» надпись на прорисовке сабли. Одна сторона сабли, как выяснил исследователь по документам следствия, была отшлифована для нанесения надписи, последняя же

вроде бы так на оружие перенесена и не была. Итак, рисунок из следственного дела является эскизом неосуществленного замысла Волинского, призванного придать находке с Куликова поля мемориальный характер. Все известные ныне сведения о предметах вооружения, найденных на месте Куликовской битвы, относятся только к XIX в., и сабля, хранившаяся в петербургском доме А. П. Волинского, должно считать старейшей документированной реликвией «Донского побоища». Надо сказать, что сам клинок, возможно, и не имеет прямого отношения к Куликовской битве. Прорисовка, сделанная в размер оригинала, представляет сабельную полосу без верхней части, форма и размеры которой заставляют подозревать, что оружие относится к более позднему времени. Среди образцов вооружения, найденных в XIX в. на Куликовом поле, таковые попадались неоднократно: здешние места в XVI–XVII вв. не раз становились районом как боестолкновений с крымскими татарами, так и сражений эпохи Смутного времени. Но в исторической памяти современников А. П. Волинского и его самого Куликово поле ассоциировалось с единственным сражением – Мамаевым побоищем XIV в., поэтому неудивительно, что иные датировки найденного оружия даже не приходили в голову. Судьи постарались выяснить, каким образом сабля с Куликова поля попала в дом кабинет-министра, очевидно рассчитывая поймать подследственного на лжи, а легенду о происхождении сабли считая его выдумкой, преследующей политические цели. Но нашлись те, кто знал о происхождении сабли все буквально в деталях, и прежде всего, разумеется, сам кабинет-министр. Допрошенный, в том числе по поводу сабли, А. П. Волинской показал, что «наперед сего слышал он... что на Куликовом поле, где была с Мамаем баталия, находятся тогдашнего времени ружья (оружие) и прочие нетленные вещи, которые из земли выпахивают временно (время от времени) и донныне. И так он... в 1732-ом году для осматривания конюшенных заводов был в городе Богородицком, который близко онаго Куликова поля имеется, и в то де время в том городе при конюшенных заводах был управитель Яков Суровцов, которой ему объявил, что такие ружья находятся. И он де (Волинской) просил его (Суровцева), ежели такую целую вещь найдет, чтоб прислал к нему». «Найденные на оном поле тесак да медная чернильница... имеются у него ныне в Санкт-Петербурге в доме, на котором тесак намерен он был... надпись написать в таком... виду, что... родственник его... Дмитрий Волинец на означенном поле на баталии был с пришедшим... вспомогательным войском, которой (тесак) почитал он... за диковинку и хотел оной с тою надписью оставить для памяти детям своим». Гордясь обретенной реликвией, Волинской «всегда публично... казывал саблю старинную всем, которая найдена на Куликовом поле и прислана от управителя Суровцева с тех мест... которой управителем... бывал в волостях». Город Богородицк, основанный в 1663 г. в верховьях Дона «верх речки Уперты», в Дедиловском уезде, находился всего в двадцати верстах от Куликова поля. С начала XVIII в. здесь действовал казенный конный завод, подведомственный Конюшенной канцелярии, отданной в управление будущему кабинет-министру в 1732 г., в связи с чем последний и предпринял в этом году поездку по конским заводам, включая Богородицкий. В дальнейшем, конское поголовье Богородицкого завода выросло с 14-ти жеребцов в 1732 г. до 262-х в 1739 г., превратившись, стараниями А. П. Волинского, в процветающее предприятие.

Из показаний кабинет-министра понятно, что находки вооружения делались на Куликовом поле и до его приезда в 1732 г. в Богородицк. На допрос в следственную комиссию был вызван подчиненный А. П. Волинского по Конюшенной канцелярии секретарь П. Муромцев. По поводу сабли секретарь показал, что кабинет-министр действительно получил реликвию Куликовской битвы «из города Богородицкого от управителя маэора Якова Суровцева выпавшую на Куликовом поле... а ныне то поле пашут богородицкие крестьяне». Артемий Петрович послал в город Богородицк к управителю подпоручику Потресову ордер, в котором писал, «чтоб объявить тамошним крестьянам, ежели кто из них на Куликовом поле будут находить некие старинные всякие вещи, бердыши, сабли и прочее, чтоб то находимое объявляли ему, Потресову, а он бы... прийма от них то находимое, платил бы на того Волинского счет за

каждую вещь по пяти рублей и присылал оное к нему ... а он по получении платить будет деньги». Подтверждая слова П. Муромцева, аналогичные показания следствию дали другой секретарь Конюшенной канцелярии В. Гладков и адъютант кабинет-министра И. Родионов. Сабля через служащих Конюшенного ведомства была уже после отъезда А. П. Волынского из Богородицка переправлена в Москву, где размещалась Конюшенная канцелярия; из старой столицы в Петербург, в дом кабинет-министра ее перевез некий офицер, присланный А. П. Волынским специально за саблей в Москву. Как видим, последнего не просто живо интересовала мемория Куликовской битвы. Кабинет-министр был готов платить деньги, и немалые, за другие находки, которые будут сделаны на месте сражения. Пять рублей для эпохи Анны Иоанновны составляли весьма серьезную сумму. Ежегодная подушная подать для всех категорий крестьян равнялась 74 копейкам с души мужского пола и кроме нее богородицкие крестьяне, приписанные к Коношенной канцелярии, платили ежегодно еще, как чернососные, 40 копеек. Следовательно, установленное А. П. Волынским вознаграждение за каждую находку почти пятикратно превосходило ежегодный государственный налог, платившийся местными крестьянами! Для того чтобы нам по достоинству оценить личность министра Волынского следует отметить, что после казни его, сабля, как и прочее имущество «государственного преступника», была описана комиссией комиссара Федора Лопухина в бытности его у приема и у приготовления к продаже описанных пожитков, оценена в один рубль и осенью 1740 г. выставлена на торги. Покупателя на драгоценную для Артемия Петровича реликвию так и не нашлось, несмотря на то что среди посетителей аукциона и приобретателей конфискатов были, например, историк В. Н. Татищев, князя Трубецкие и Волконские. В итоге саблю отослали назад, в Тайную канцелярию, с припиской в «Щетной ведомости» «по оценке безденежно». Этот факт ещё раз говорит нам о том, что Артемий Петрович не просто был человеком своего времени, он был творцом своего времени – века просвещения, сильнее и острее многих своих современников, кончивших курсы лекций европейских университетов (сам Артемий Петрович такой возможности не имел, отдав молодость государевой службе), понимал необходимость всеобщего образования представителей всех сословий русского общества, предлагал ряд мер, направленных к этой цели. Меры эти, в урезанном виде, были реализованы последующими поколениями русских просветителей.

Дальнейшая судьба старейшей реликвии Куликова поля неизвестна. Парадоксальная ситуация – учредитель первого русского музея, не имеет собственного! Не настала ли наконец пора почтить его память должным образом – основав музей, посвященной его личности и служению.

Государственный ум и сердце патриота не позволяли Артемию Петровичу оставаться равнодушным к бедственному положению русских интересов в царствование императрицы Анны Иоанновны, пренебрежению к пользе вскормившего их отечества возвысившихся лиц немецкой нации. Одновременно с производством в министры он становится во главе группы русских патриотов, объединивших лиц из разных слоев общества от архиереев и сенаторов, до младших офицерских чинов и секретарей, всего более 30-ти человек. Под руководством Артемия Петровича, с ведома императрицы, разрабатывался проект о «поправлении государственных дел», о котором можем судить лишь по сохранившимся фрагментам. Тем не менее, его прогрессивный просветительский характер, меры, направленные на то, чтобы русские имели привилегии в собственном отечестве не вызывают сомнений. Артемий Петрович полагал излишним усиление военной мощи России за счет устройства внутренних ее дел, хотел заполнить пустующие земли свободными земледельцами, установить правовое и «прозрачное» административное управление, обязательное академическое образование духовенства, поднять общий культурный уровень всех сословий, не исключая крестьянского, для чего открыть ряд университетов. Беспокоило его и печальное состояние русского монашества, реформы предполагаемые А. П. Волынским должны были укрепить положение монастырей и облегчить

вступление на путь иночества для всех желающих, что до некоторой степени расходится с петровским курсом, оставляющим такую возможность преимущественно для пожилых людей и увечных. Яркая личность министра и его деятельность вызвали ожесточенное политическое сопротивление, осуществлявшееся, как было принято говорить тогда, «силою персон». Об этом трагическом противостоянии и о некоторых пунктах государственного проекта Артемия Петровича поговорим подробнее.

Завязавшаяся при дворе двухлетняя (весна 1738 – весна 1740 г.) закулисная борьба прошла в своем развитии по меньшей мере три фазы.

Первая (май-октябрь 1738 г.) была связана с сопротивлением первому проекту пока еще частичной приватизации казенных металлургических заводов, инициированному генерал-берг-директором Шембергом при поддержке Бирона. Этот проект отдавал в наследственную собственность лицам немецкой нации стратегически важные для государства горные заводы и месторождения. Если бы даже А. П. Волынской не принес отечеству никакой иной пользы кроме борьбы против этого проекта, одна она уже стоит благодарной памяти, музея и памятника. Уже на этом этапе произошло заметное охлаждение отношений между герцогом Бироном и Волынским.

Вторая (зима – весна 1739 г.) ознаменовалась лишь частичными успехами Бирона, сумевшего реализовать первый «приватизационный проект» Шемберга и создавшего почву для приватизации всей уральской государственной металлургии, но потерпевшего поражение в своих династических планах – проекте женитьбы сына Петра на фактической наследнице престола племяннице Анны Иоанновны принцессе Анне Леопольдовне.

Третья (лето 1739 – весна 1740 г.) была отмечена прямым столкновением Волынского с Остерманом и завершилась сплочением так называемой «немецкой» придворной группировки против кабинет-министра, заявившего именно в тот момент о претензиях на формулирование самих основ внутривластного курса страны. Результатом стало «дело Волынского», устранение его с политической сцены, мучение в застенках крепости, убийство и дискредитация его имени и деятельности.

Сама «завязка» первой фазы дворцовой интриги, последовавшая сразу после назначения в апреле 1738 г. Волынского кабинет-министром, ставит под сомнение укоренившееся представление, что своим возвышением он был обязан исключительно Бирону, искавшему противовеса против влияния Остермана. – мнение, основанное на суждениях врагов министра Волынского А.П. Уже через месяц после назначения он перестал оправдывать надежды курляндского герцога.

Во-первых, Бирон не получил ожидаемой поддержки в вопросе о передаче в частные руки казенных металлургических заводов. Подготовленный еще до конца мая 1738 г. доклад кабинет-министров отверг выдвинутый в начале 1738 г. Шембергом проект приватизации открытых на Белом море «лапландских» месторождений серебряной и медной руды и строящихся В. Н. Татищевым на Урале Гороблагодатских казенных железных заводов.

Во-вторых, Волынский начал атаку против руководителя Адмиралтейской коллегии адмирала Н. Ф. Головина – сына одного из самых талантливых сподвижников Петра Ф. А. Головина. Однако Н. Ф. Головин, очевидно, не унаследовал его выдающихся способностей, сделал карьеру преимущественно в дипломатическом ведомстве, руководимом Остерманом. Оттуда он и был назначен в 1732 г. руководителем Адмиралтейской коллегии, обойдя нескольких опережавших его рангами, старшинством и заслугами адмиралов. Ф. И. Соймонов прямо называл Головина креатурой не Остермана, а Бирона. Атаке на Головина способствовал и личный конфликт Волынского с ним, вызванный тем, что Головин в 1737 г. присвоил 10 тыс. рублей, выданных Адмиралтейству Конюшенной канцелярией в счет займа, взятого ее руководителем Волынским у флотского ведомства на покупку лошадей в Башкирии. Этой некрасивой финансовой комбинации Головина способствовало отсутствие Артемия Петровича, отправленного

на Немировский конгресс. В конфликт оказался вовлечен и Соймонов, заставивший Головина осенью 1737 г. вернуть деньги, но не сумевший предотвратить свою публичную ссору с адмиралом и огласку дела, дошедшего до государыни, у которой Головин едва вымолил на коленях прощение. Этот конфликт способствовал дальнейшему сближению Волынского с одним из своих главных «конфидентов» – атака на Головина была начата финансовой ревизией флотского ведомства по предложению Соймонова, заслушанному в Сенате 29 мая 1738 г. (то есть буквально в те же дни, когда Кабинет министров, при горячем участии Волынского А. П., отклонил первый шемберговский план приватизации металлургии). Подобное совпадение не позволяет представить атаку на Головина лишь следствием случайного личного конфликта, оно свидетельствует о том, что по интересам Бирона уже в мае 1738 г. был нанесен двойной удар: независимо от намерений своих противников, в случае успеха интриги он лишился не только ожидаемой прибыли от заводов, но и контроля (через Головина) над военно-морским ведомством запирающими выход в Финский залив линейными кораблями и расквартированными в самом Петербурге и Кронштадте более чем 10 000 матросов.

А. П. Волынской, конечно, не был орудием в этой интриге. Он не мог не осознавать ее последствий и не видеть явного неудовольствия Бирона. О его активной, принципиальной позиции свидетельствует и дальнейший ход интриги, которая продолжала нарастать и достигла кульминации за год до «петергофской записки», в августе 1738 года.

Созданная указом императрицы 31 мая 1738 г. (всего через два дня после рассмотрения Соймоновского предложения о флотской ревизии и вскоре после получения негативного для Бирона мнения кабинет-министров о заводах) особая комиссия о заводах, переданная 2 июня 1738 г. под управление брата фельдмаршала барона Х. В. фон Миниха пришла к выводу о целесообразности их передачи в частные руки. Но в докладе 1 августа 1738 г. она снова отвергла шемберговский вариант приватизации лапландских заводов, фактически повторив и углубив аргументацию майского доклада кабинет-министров. Это было новая победа министра Волынского, новое доказательство настойчивости проводимого им курса. Бирон снова потерпел ощутимое поражение, несмотря на то что Шемберг открыто заявлял о его поддержке (Соймонов утверждал: «...а порукою по себе написал известного герцога Курлянского графа Бирона...»). Для времени царствования Анны Иоанновны, для атмосферы постоянного страха «слова и дела», нужно было иметь поистине удивительные мужество и принципиальность для столь острой борьбы с временщиком!

Почти в то же время по позициям Бирона был нанесен и второй удар.

Флотская ревизия, начатая внезапной проверкой комиссии, состоящей из сенатора В. Я. Новосильцева, президента Ревизион-коллегии А. И. Панина и сенатского обер-прокурора Ф. И. Соймонова, выявила невозвращенные Н. Ф. Головиным в течение пяти лет займы 40 тыс. рублей у ведавших финансами подчиненных ему флотских офицеров. Даже сам Головин, жаловавшийся уже после падения А. П. Волынского на «неправедную» ревизию, признал факт заимствования им по векселям 25 000 рублей из флотских сумм. Волынской практически уже исходатайствовал у императрицы указ о предании адмирала воинскому суду. Соймонов «... тот указ у Волынского видел и думал, что на другой день он государыней подписан будет...». Но возможная отставка Головина, судя по сообщениям Соймонова, практически совпала с негативным для Бирона решением комиссии о заводах. Разъяренный фаворит, «...получа такое укорочение ему поношением...», прямо направился на приморский двор своего старого опального протеже (уже более месяца под предлогом болезни никуда не выезжавшего – и это в тяжелейший период русско-турецкой войны, когда в Очакове умирал от чумы его подчиненный, получивший в отличие от Головина адмиральский ранг еще при Петре I Н. А. Сенявин) и обещал адмиралу полную помощь и поддержку.

Решающие события развернулись на следующий день. Когда Артемий Петрович подал, минуя Бирона на подпись императрице уже заготовленный указ о суде над Головиным – обер-

камергер, «...взяв оной у Государыни из рук, бросил Волынскому в глаза, упрекая его, что он неправильно подает на графа Головина, а он де человек честной и доброй». Изумленный Соймонов уже в следующий воскресный день, будучи с визитом у императрицы в Петергофском дворце, видел, как адмирал из ее покоев «...вышел в залу в веселом виде...», а потом мало-помалу помощью своего патрона Бирона пришел в прежнюю свою силу».

Но даже открытая демонстрация ярости фаворита не остановила министра Волынского. Ход всей борьбы с самого ее начала свидетельствует о его активной и принципиальной позиции и тем самым заставляет сомневаться в его «черной неблагодарности» и обязанности его своей карьерой «исключительно» Бирону, как стремятся представить иные историки.

Ранние стадии карьеры А. П. Волынского протекали в конюшенном ведомстве под руководством не менее влиятельного, чем Бирон умершего в 1735 г. К. Г. Левенвольде. Последний был порой весьма откровенен с будущим кабинет-министром, ибо неоднократно высказывался при нем о негативных сторонах характера Остермана и даже сообщал Волынскому об остермановских попытках настроить и сплотить «немецкую» придворную группировку против русских вельмож «...оной граф Остерман говаривал им (Ягужинскому и Левенвольде), что многие русские люди иностранцев не любят...» и пр. Возможно, первые шаги в приближении к особе императрицы А. П. Волынской сделал уже тогда. Кроме того, с 1736 г. он был обер-егермейстером, отвечавшим за организацию охот, входивших в число любимых забав императрицы (что обеспечивало устойчивый контакт с ней), и его возвышение могло объясняться личными симпатиями Анны Иоанновны в сочетании с определенной поддержкой близких к императрице русских вельмож, которые явно или неявно поддерживали Волынского и в дальнейшем, что также противоречит современному взгляду на события тех лет. Несомненно, пусть не вполне и не во всех своих членах сознающая себя национальной силой, русская партия существовала. Это обстоятельство следует особо подчеркнуть, ибо на протяжении очень долгого времени саму идею возможности русской партии ставили под сомнение, а образ русских сановников того времени старались представить как разрозненное сообщество людей невежественных, грубых, лишенных каких-либо убеждений, словом таких лиц, которые не многим лучше животных и для которых немецкое ярмо – сущее благодеяние. В связи с этим очень любопытна трилогия В. Авенариуса (немца по рождению!) «Под немецким ярмом», его взгляд никак не может быть предвзятым. Станным кажется убеждение некоторых современных историков в «сгущение красок» при описании ужасов «бироновщины» – убеждению, основанном на цифрах числа казненных, подвергшихся репрессиям в эти годы. По воспоминаниям современников, например Болотова, Аксакова (отец последнего был избит палками до полусмерти по вздорному нраву старшего по чину немца) для истязания ни в чем неповинных русских людей заведения судебных дел и не требовалось. Командир-немец при любом конфликте, разбирая дела, держал сторону своих единоплеменников, не скрывая, что «русским канальям» никогда не поверит, и не скупясь на жестокие наказания. Немцами в ту пору были почти все командиры, а исключения только подтверждали правило. Прообразы продрозверсток – вооруженные отряды, взимающие недоимки с малоимущих крестьян рыскали по деревням, в этом случае злодейская расправа над «провинившимися» также документально не фиксировалась.

В этой атмосфере перспектива женитьбы сына Бирона на Анне Леопольдовне не просто была неприятна русским вельможам (это откровенно обсуждали Волынской и Черкасский) она грозила бедой всему русскому обществу. Но два министра вряд ли сумели бы одни оказать решительное противодействие. Влияние А. П. Волынского продолжало укрепляться и в последующие месяцы – в ноябре-декабре 1739 года. Результат не замедлил сказаться как в истории знаменитого «Генерального проекта» Волынского, так и в конкретных внутривластных акциях последующего периода. Вряд ли стоит устанавливать непосредственную связь проекта с набросками несколько отвлеченных записок по политическим и этическим вопросам. Артемий Петрович обладал большим писательским талантом и любил на протяжении всей жизни состав-

лять сочинения на тему самых разных материй. Проект, над которым работал Волынской и его «конфиденты» в конце 1739 – начале 1740 г., скорее всего, имеет иные истоки. Не исключено, что толчком для него послужил отданный императрицей «около Рождества 1739 г. особый приказ для сочинения некоторого проекта, дабы ученье в России распространить и завести академии для обучения священников и секретарей», известный по показаниям Еропкина. Работа над этой запиской могла подтолкнуть министра Волынского к осмыслению более общих проблем внутренней политики. Закончившаяся русско-турецкая война завершила период «экстраординарной» военной политики и поставила вопрос об основах мирного внутривнутриполитического курса страны, потребовав формулировки «послевоенной» внутривнутриполитической программы.

А. П. Волынской, талантливый политик, к тому же претендовавший к этому времени на роль лидера в правительстве, ранее других уловил эту потребность, что и привело к появлению его знаменитого проекта.

Исследователи отмечали, что еще до начала работы над «Генеральным проектом» Волынской уже набрасывал записку-трактат о важнейших государственных проблемах, но позднее (вероятно, попав в опалу) уничтожил ее. Артемий Петрович делился некоторыми проектами с императрицей и получил ее одобрение, все участники дела показывали, что Волынской говорил об этом.

О легальном характере проекта говорят и сами обстоятельства его составления.

Работа над ним шла открыто, к оформлению и редактуре его отдельных частей привлекались государственные чиновники различных рангов: от капитана флота и руководителя уральской металлургии Хрущова, архитектора П. М. Еропкина, секретаря иностранной коллегии де ля Суды, работавшего у Волынского над черновиками проекта неделю после нового 1740 г. с позволения своего начальника Бреверна, бывшего обер-прокурора Сената Ф. И. Соймонова до секретарей Военной коллегии П. Ижорина и Демидова, фактически подготовивших текст записки по военным вопросам. В нем использовалась документация государственных учреждений; черновые редакции различных частей проекта читались и обсуждались (помимо указанных лиц, личного секретаря императрицы Эйхлера, и президента Коммерц-коллегии П. И. Мусина-Пушкина) сенаторами А. Л. Нарышкиным и В. Я. Новосильцевым, а также Я. П. Шаховским. Кроме того, чрезвычайно демократичный, простой уклад отношений в доме министра, особенности прямого характера последнего, делали слушателями, участниками обсуждения и даже критики его сочинений младших офицеров, дворецкого, некоторых слуг, секретарей, дочерей. Свидетельства полемики Артемия Петровича с младшими подчиненными, да ещё на тему своего любимого сочинения – выстраданного проекта, рисует нам его неровным, очень терпимым (что бывает крайне редко) писателем и снисходительным начальником.

А. П. Волынской желал свести все части обширного проекта в единую систему, оформленную в виде одного документа «наподобие книги». Хрущов (в основном занимавшийся систематизацией текста проекта и подбором «пункта к пункту») «поправления и дополнения чинил ... 3 месяца», то есть примерно с января 1740 г., что подтверждает датировку начала работы над проектом примерно декабрем 1739 года. «Флотскую» его часть фактически писал Соймонов.

Вероятно, готовая работа предназначалась к подаче императрице после завершения празднеств по случаю мира и начала перехода к «мирному курсу» в развитии страны (она даже формально начиналась «Приношением Ее Величеству», «...к тому же и пишет он по повелению Ее Императорского Величества»). К моменту ареста Волынского работа была далеко еще не закончена. Но, как известно, тексты проект до сих пор не обнаружены (их не оказалось в самом деле, по сведениям из которого «проект и к тому некоторые непристойные оного Волынского рассуждения» были собраны Ушаковым и Неплюевым в один пакет и запечатаны). Однако примерное его содержание добротнo реконструировано Готье по показаниям на

следствии участников «дела Волынского». «Генеральный проект» распался на шесть частей, охватывающих в совокупности почти все основные сферы внутренней политики – от сословной политики и организации центрального государственного управления до изменений в составе и структуре вооруженных сил и вопросов развития торговли.

К Сенату, видимо, должна была перейти часть функций Кабинета; кроме того, предусматривался контроль выросшего численно Сената за местной администрацией (ежегодные инспекционные поездки сенаторов по губерниям – своего рода «сенаторские ревизии»). Должность генерал-прокурора ликвидировалась («... понеже оной много на себя власти иметь будет и тем может сенаторам замешание чинить...»), однако при этом сохранялась должность куда менее влиятельного сенатского обер-прокурора, контролирующего порядок и законность в работе Сената.

Нелепо предположить будто А. П. Волынской при этом руководствовался борьбой за личную власть – усиление Сената объективно ослабляло позиции кабинет-министра. Тем не менее на протяжении нескольких столетий неприятели масштабной личности Артемия Петровича старались с большим или меньшим успехом внедрить в сознание общества эту мысль.

В чем-то эти идеи Волынского были реализованы в период «дворянских реформ» Екатерины II.

Проект А. П. Волынского отражал интересы шляхетства и частично выражал ряд выдвинутых последним еще в 1730 г. претензий на более широкое участие его в политической власти, но без республиканских крайностей.

«Экскузация» – своеобразное предисловие к читателям проекта, под которыми Волынской видел прежде всего кабинет-министров и сенаторов, весьма примечательна. Министр не только предлагал собственную внутривластную программу, не считая ее верхом совершенства, он приглашал к обсуждению выдвинутых им вопросов и других («и ежели вы, господа почтенные, усмотрите сверх что к изъяснению и дополнению, прошу в том потрудиться, и я на резонабельное буду склонен и сердиться и досадовать на то не стану»). Такое высказывание явно не вяжется с принятым нынче представлением министра Волынского человеком излишне амбициозным.

Как уже говорилось выше, в отличие от шляхетских проектов 1730 г. проект Волынского уделял гораздо большее внимание положению духовенства. Он предусматривал обязательность его обучения («чтоб не ученых в попы не поставлять») не только с намерением улучшить духовное воспитательное влияние церкви на население, но и с целью поднять социальный престиж духовного сословия.

На последнее были рассчитаны и другие меры – например, улучшение материального положения приходского духовенства («чтоб им самим не пахать, а чтоб приходским людям платить им деньги»), а также намерение «... в священнический чин вводить шляхетство». Предложение «убогие монастыри все превратить в сиропитательные дома, а монастыри чтоб довольны были, также и монахи» также свидетельствует о намерении отойти от антимонастырских тенденций «Духовного регламента» и улучшить материальное положение черного духовенства.

Волынской намеревался предпринять ряд шагов по реальной интеграции духовенства в «благородное сословие», приближающей его социальный статус к западноевропейским образцам – все это, вероятно, обеспечило бы ему хотя бы психологическую поддержку не только шляхетства, но и российского духовенства. Характерно, что Кубанец, по его собственным показаниям, читал (очевидно, с санкции Волынского) «нечто из проекта» вологодскому архиерею Амвросию. Планируемая Волынской политика резко контрастировала с открытым ущемлением интересов православного духовенства в аннинское царствование, о чем не худо бы с благодарностью молитвенно вспомнить современному священноначалию. Даже композиционно проект Волынского был построен в соответствии с основными элементами сложившейся в России общественно-сословной структуры. Первые четыре части касались: армии; духовенства

(«о церковных чинах»); шляхетства и купечества. И, таким образом, будучи ориентирован на публичную его огласку (по показаниям Соймонова, Волинский говорил, что «будет то свое сочинение друзьям раздавать, чтоб об оном везде известно было»), предполагал апелляцию к широким слоям общества. Проект, таким образом, выходил за рамки обычной бюрократической записки и был ориентирован на удовлетворение запросов и интересов основных российских сословий, реализовывал их стремление к участию в политической жизни страны.

А. П. Волинский делал и конкретные практические шаги в этом направлении. 14 февраля 1740 г., одновременно с манифестом об окончании войны, был подтвержден манифест 31 декабря 1736 г. об отставке шляхетства из службы и объявлено о вступлении его в силу; была декларирована отмена возврата переплаченного жалования гражданским чиновникам, частичная амнистия за должностные преступления и заявлено о намерении простить часть штрафов по недоимкам. Все эти меры были приняты по неподписанному докладу одного из кабинет-министров, известному лишь в писарской белой копии. Стил и лексика доклада, нехарактерные для Остермана, заставляют склоняться к предположению об авторстве А. П. Волинского.

3 марта 1740 г. появился почти не замеченный в историографии указ императрицы о назначении сразу шести новых членов в Сенат: генерал-лейтенантов М. И. Леонтьева и М. С. Хрущова; генерал-майоров: И. И. Бахметева, П. М. Шилова, Н. И. Румянцева и М. И. Философова. Это было первое с 1730 г. в аннинское царствование столь значительное расширение состава Сената, также явно отвечавшее интересам «генералитета и шляхетства», вполне соответствовавшее идеям проекта Волинского и, очевидно, предпринятое по его инициативе – во всяком случае, отнюдь не «с подачи» Остермана, откровенную неприязнь которого к Сенату формулировал в беседах с Волинским Черкасский: «Остерману ... противно, что Сенат есть, хотелось бы ему, чтоб Сената не было, а съезжались бы коллежские президенты для совещания; Остерман боится, что Сенат усилится, если в нем будет много членов» .

Активная позиция А. П. Волинского в появлении столь важных правительственных актов и, возможно, в персональных назначениях свидетельствует о его достаточно сильных позициях во власти и о весьма значительном личном влиянии на императрицу. В конце марта 1740 г. он эффектно выступил перед генеральным собранием против слишком щедрого возмещения польским землевладельцам за ущерб, нанесенный кампаниями 1738 – 1739 гг. (этот эпизод послужил сюжетом знаменитой картине Якоби), а на вопрос о причинах не поколебался заявить, что он противник обеспечения таким образом интересов Бирона в сохранении и укреплении им за собой Курляндского герцогства. «Только польский вассал согласится на вознаграждение, но никто, кому дороги честь и польза своего Отечества не даст на то своего согласия»!

Эти успехи в новом витке политической борьбы были вряд ли достижимы без явной или неявной поддержки русских вельмож из бюрократической верхушки России. Речь не может идти о заговоре, но итоги ноябрьского процесса Долгоруких 1739 г., впервые с петровского времени закончившегося не опалой, тюрьмой и ссылкой, а казнью представителей знатного аристократического рода, и снова напомнившего о событиях, связанных с ограничением самодержавия в 1730 г. (подлинных инициаторов которого императрица снова пыталась выяснить в ходе этого нового дела), могли заставить многих представителей знати, участвовавших в шляхетском движении, подспудно содействовать Волинскому. Фельдмаршал Б. Х. Миних считал, что целью интриги было «удалить Бирона от двора». Кстати сказать, Миних, не будучи другом Артемия Петровича, и являясь представителем «немецкой» партии, с глубоким уважением вспоминает о нем в своих записках. Опасность заставила сплотиться противников министра Волинского.

Французский посол маркиз Шетарди отмечал 23 февраля 1740 г. явные проявления общественного недовольства: «...находят, что Россия недостаточно много выиграла в послед-

нюю войну, чтобы устраивать такое великое торжество по поводу заключенного ею мира; доходят даже до высказывания мысли, что слава России должна пострадать от этих неуместных проявлений радости...». Дворянство не могла удовлетворять закончившаяся почти безрезультатно и стоившая огромных людских потерь (если учитывать ее короткий срок – куда более значительных, чем петровская Северная) русско-турецкая война 1735–1739 годов. Если за 53 «петровских» набора с 1699 по 1725 г. было взято в рекруты 284,2 тыс. человек, то всего за 8 наборов «аннинского» десятилетия – 276,5 тысяч. Таков был основной итог «порядочного управления» – «бионовщины»! Объединившиеся Остерман и Бирон в разгар пасхальных торжеств в начале апреля 1740 г. нанесли решительный удар по противнику, вылившийся в конце концов в «дело Волинского». Формальным поводом к аресту послужила жалоба В. Третьяковского.

Интересно отметить, что этот выходец из бедной семьи священника, служащего в астраханской церкви, получил возможность широкого образования благодаря усилиям губернатора Волинского А. П., сумевшего открыть в этом городе несколько школ. Напрасно ссору Третьяковского с кабинет-министром стремятся представить, как наглядный пример жестокости последнего. Конфликт этот назревал давно, ибо придворный пиит в угоду своим покровителям систематически сочинял и декламировал оскорбительные для Артемия Петровича сатиры, и даже более того – тешил двор пантомимами, представляя обер-егермейстера Волинского в образе русака, и намекая таким образом на «русскую партию». «Охота» на ее главу, по ходу действия и ужимкам Третьяковского, оканчивалась неизменно гибелью «русака». Зная об этих выходках, нельзя принять укоренившийся ныне в сознании общества сценарий ссоры: «Третьяковский не сочинил в нужный срок стихи и был наказан». Третьяковский, несомненно, действовал в качестве руководимого провокатора – иначе как можно толковать такую ситуацию: в ответ на вопрос министра о стихах, Третьяковский не только не приносит извинений в своей забывчивости, но обрушивается с бранью на посланного за ним слугу Артемия Петровича и возмущается самим фактом предъявления к нему каких-то требований. На другой день после первой неприятной сцены, Третьяковский встречается с министром Волинским в приёмной Бирона. На вопрос Артемия Петровича «по какому делу здесь», Третьяковский опять вместо раскаянья в намерении жаловаться на министра временщику, совершает на глазах свидетелей очередную грубую выходку – демонстративно отворачивается от собеседника. Подобная манера поведения не вяжется с представлением о «тирански замученном, униженном, невинно пострадавшем» поэте, который «боялся мести» министра Волинского. Конечно, положение клиента Куракина никак не давало Третьяковскому возможность столь грубо попирать нормы этикета, вероятно он был научен действовать именно таким образом. Следуя осторожности историка Зезюлинского, повторим «что конкретно произошло тогда нам не известно». Артемий Петрович признавался в том, что «вытолкал в шею Третьяковского из приемной в сени». Вероятно, какое-то телесное наказание грубиян получил, однако смешно серьёзно рассматривать его жалобу, явно сильно преувеличенную. Пострадавший, избитый человек не сможет на другой день активно веселиться на маскараде, испытавший шок, насмерть запуганный, не станет сочинять новые жалобы. А именно так пытается обрисовать ситуацию Третьяковский. О каком «бесчеловечном увечье» может идти речь, если Третьяковский дожил до старости, не страдал никакими серьёзными заболеваниями, женился и имел детей, охотно участвовал во всех дворцовых увеселениях? Екатерина Великая, в отличии от современного читателя хорошо знавшая подобные нюансы, не придавала жалобе Третьяковского никакого значения. Обесценивают этот документ и тот факт, что за приобщение его к «делу Волинского» Третьяковский получил от Бирона более трех сот рублей, что превышало годовое жалование секретаря «Академии де сиянс», и низкая нравственная характеристика Третьяковского, которую он приобрел у своих современников. Помимо весьма повредившей ему ссоры с мучеником-министром, он многие годы вредил другому нашему просветителю – М. В. Ломоносову, хотя и с мень-

шим успехом – Михаила Васильевича благодаря проискам Третьяковского сажали в тюрьму, но пыткам и казни не предали. Одним из первых попытался привить русскому читателю иной взгляд на трагедию 1740 года Пушкин, усомнившийся, как бы обнаружение новых фактов (Пушкин смог указать только на факт ссоры с Третьяковским) из жизни министра не повредило герою прославленного бестселлера «Ледяной дом». Но содержание письма к И. И. Лажечникову Пушкина никак нельзя считать исторической истиной. Оно объясняется чрезвычайной в те годы популярностью «Ледяного дома», известно, что А. С. Пушкин был не только весьма ревнивым супругом, но и таким же ревнивым сочинителем. Впрочем, даже он не смог найти у романа иных слабостей, кроме неправильной, на его взгляд, трактовки образов придворного пиита и Бирона. «Третьяковский в этом деле мученик» писал он в защиту своего собрата по перу и против деда своего крестного отца (крестил Пушкина внук Артемия Петровича – Артемий Воронцов). По меньшей мере странное изречение – «дело» для Третьяковского кончилось несколькими синяками, а для министра Волынского страшными истязаниями дыбой, кнутом и прочими ужасами застенков Тайной канцелярии, переломанной рукой, вырванным языком, наконец, четвертованием... Так кто же здесь мученик?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.